

Сара

Кузембаева

МУХТАР АУЭЗОВ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА

Мухтар Омарханович Ауэзов (1897–1961) – выдающаяся личность в истории духовной культуры XX века. Уникальный талант художника проявился во многих ипостасях его многогранной деятельности – как писателя, драматурга, ученого-филолога, фольклориста, педагога и активного общественного деятеля, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР. Его всесторонняя эрудированность в сочетании с высокой образованностью, профессионализмом и высочайшим интеллектом явились основой для создания фундаментальных трудов, определили и закрепили за ним статус классика казахской литературы, академика АН КазССР, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки. Творчество М. Ауэзова стало квинтэссенцией национального самосознания казахского народа и в этом выражении имеет актуальную значимость во все времена и эпохи.

Наследие великого сына казахского народа – писателя-гуманиста является духовным достоянием всего прогрессивного человечества, утверждая одновременно вольный дух народа, демонстрируя его самобытную культуру. Пожалуй, нет ни одной области духовной сферы, к которой не прикоснулось бы перо Художника, перо Мастера и Мыслителя.

Велика роль Ауэзова в становлении и развитии современного искусства Казахстана. Бессмертные шедевры искусства Ауэзов создал в драматическом театре (пьесы «Қаракөз», «Абай», «Еңлік – Кебек», «Қарақыпшақ Қобыланды»), в театре музыкальном – балет «Қалқаман – Мамыр», музыкальная комедия «Айман – Шолпан», оперы «Абай», «Бекет», «Төлеген Тоқтаров» и «Еңлік – Кебек», в киноискусстве – «Көксерек», «Қараш-Қараш», «Песни Абая» и другие. В них М. Ауэзов предстал как автор сюжетов, либретто и художественный руководитель.

Вся жизнь Мухтара Ауэзова была тесно связана с музыкой, он жил ею, писал о ней и любил ее. С раннего детства будущего писателя окружал богатейший музыкально-поэтический быт. Духовная аура, созданная живыми народными традициями, искусством жырау, песенными состязаниями акынов, стала неотъемлемой частью его внутреннего утонченного мира. Благотворное воздействие на становление его музыкальных пристрастий оказали горделивые песни Биржан-сала, проникновенно лирические песни Ахана-сері и, конечно, бессмертные напевы Абая. Будучи натурой богато одаренной, Мухтар Ауэзов глубоко постиг их сущность. Как вспоминают современники, в минуты душевного покоя свое сокровенное состояние души он доверял вечному другу казаха-степняка – двух-

струнной домбре (он любил стиль шертпе) и негромко напевал по-философски задумчивые народные песни.

Глубокое знание М. Ауэзовым фольклора во всех его проявлениях явилось основой для выявления имманентных его особенностей. Показательны в этом отношении труды М. Ауэзова по эпической культуре казахского народа. Они имеют фундаментальный характер. М. Ауэзов, исследуя эпическое искусство многоаспектно и многопрофильно, концептуально выявляет его темы, сюжеты композиционные закономерности, художественно-стилистические и стилевые особенности, жанровые основы, особое внимание в структуре эпоса уделяет различным формам изложения (монологи, диалоги, драматургические приемы, кульминация, музыкальное воплощение и т. д.). Ученым-фольклористом определены историческая и духовная значимость эпического наследия народа. «Казахский народ, – пишет М. Ауэзов, – трагический странник, в поисках счастья кочевавший по степям и столетьям, – не мог оставить нам памятников архитектуры, скульптуры, живописи. Но он оставил нам самые драгоценные памятники художественного слова. Народ-певец, народ-поэт, он со всей силой своего поэтического гения, присущего ему с древнейших времен, выразил свой дух в бессмертных творениях – в эпических поэмах и многообразных народных песнях» [1, с. 77]. Именно этим можно объяснить то важное место, которое занимает устно-поэтическое творчество, народная музыка в духовной жизни казахского народа.

Работы М. Ауэзова по казахскому эпосу признаны классическими и заложили фундамент казахского эпосоведения. Эпос, по его выражению, «бессмертный и мудрый рассказчик о прошлом, доносящий до него дыхание веков, в котором человек оживает перед нами со всеми своими мыслями и чувствами, со всей своей неистребимой мечтой о счастье и вековой борьбе за него» [1, с. 76]. В его богатом научно-творческом наследии особое место занимает проблема эпического наследия, например, им впервые указаны в различных его научных очерках, статьях и трудах композиции казахского эпоса, его жанровых образований, присутствие кульминационных моментов в эпосе, указано значение диалогических форм и т. д. Так, представляя выдающихся жырау, таких как Ақтамберді, Жиёмбет, Бұхар, Татиқара, Сыпыра, Мұрын, Нұрым, Марабай, Мергенбай, Жамбыл, Нұрпейіс, он отмечает основную идею эпических творений в прославлении воинского подвига, определяя героику их главным признаком. Во вступлении к героической поэме «Қобыланды батыр» М. Ауэзов пишет: «Первый костяк... поэмы образуют... песни прощания при: расставании с богатырем, отправляющимся в поход («қоштасу»), свадебные песни во время его женитьбы и в особенности песни плачи («жоқтау») об умершем богатыре... Так, совершенно очевидно, что существовавшие в народе отдельные разрозненные бытовые песни о каком-то популярном воителе... его «Қоштасу» после какого-либо сражения... «жоқтау» его жены были нанизаны неизвестным акыном на сюжетную нить и образовали первый вариант поэмы, которая впоследствии разрослась в передаче других акынов» [2, с. 18–19].

Особую ценность в работах М. Ауэзова имеют высказывания, которые относятся к национальным особенностям жанра оперы в казахской культуре. Например, им указано неперемное присутствие домбры в музыкальном сопровождении эпоса. Характеризуя искусство жырау, исполнительские разновидности, мелодико-интонационную структуру эпического напева, М. Ауэзов подчеркивал: «Повествование ведется в манере былинного сказа, поэтому не знает устойчивой

формы и строгого строфического членения. Песня рассчитана на напевно-декламационное исполнение под аккомпанемент домбры, речитатив» [2, с. 57].

Глубокое постижение фольклора – устно-поэтического и музыкального – стало животворной почвой для создания произведений, одухотворенных музыкой в высоком значении этого слова. Здесь прежде всего следует назвать роман-эпопею «Путь Абая». Волнующее сказание о великом поэте-композиторе Абае Кунанбаеве сплошь пронизано музыкой, музыкальностью – возвышенной, романтической и опозитизированной. Причем музыкальность в романе функционирует как система художественного мышления, творческого восприятия и отражения мира. Создание образа Абая достигается через синтез поэзии и музыки, образуя тем самым феномен музыкальности прозаического текста. Ауэзов мастерски воспроизводит творческую лабораторию композитора-классика, процесс создания абаевских песен, затем высокохудожественно описывает, как эти напевы распространяются среди казахской молодежи, и как эти песни, словно вольные птицы, разлетаются над широкими просторами казахской степи.

Показательна знаменитая «Песнь Татьяны». Музыкальность и магическая сила абаевского мелоса составляет художественно-стилевую концепцию М. Ауэзова, существенно влияя на драматургию целого, масштабно усиливая ощущение реальности, достоверности сюжетного повествования.

Великий мастер слова проникновенно передает атмосферу звучащей абаевской песни, тончайшими штрихами рисует момент постижения музыки, выражая сокровенные мысли и чувства. Для примера приведем песню «Желсіз түнде жарық ай». Поэтично и высокохудожественно воспроизводя образный строй песни, М. Ауэзов пишет: «Картина, воссозданная в песне, близка и дорога сердцу каждого. Она заимствована из повседневной жизни казахских просторов... Все четко, ясно, безоблачно, вызывает успокоение и радостные чувства» [3, с. 39–40].

В трудах М. Ауэзова прослеживается не только художественное описание музыки, но и ее глубокий музыковедческий анализ. Более того, научные исследования академика М. Ауэзова внесли значительный вклад в разработку историко-теоретических проблем музыкознания. Ученый-фольклорист отмечает стилистические, ритмические, метрические особенности абаевского мелоса, приводя очень точные научные высказывания, подчеркивает камерность их звучания. «Они (песни Абая), – пишет он, – требуют бережливого и чуткого отношения к тексту, где каждое слово должно быть донесено до слушателей» [1, с. 143]. В целом, проблема музыкальности прозы Ауэзова представляется важной и перспективной [4, с. 299–311]¹.

Нравственно-воспитательный пример этой великой личности, его мировосприятие особенно обозначаются при изучении духовного наследия казахского народа. М. Ауэзов впервые теоретически классифицировал жанры и формы устно-поэтического фольклора. Они в полной мере отражают специфику и музыкальность народного творчества, ибо профессионализм устной традиции казахов, как известно, заключен в синкретизме слова, поэзии и музыки. Определяя типы народной поэзии, Ауэзов анализирует также закономерности метроритма, мелоса, выявляет в них разновидности декламационного и речитативного склада, импровизационный тип интонирования. В этом отношении показательны его мысли о

¹ Проблема музыкальности прозы М. Ауэзова хорошо раскрывается в работе Ж. Ордалиевой «Мир музыки в романе “Путь Абая”» [4].

различных вариантах «Песни Татьяны» [5, с. 213] или определение *желдірме* как речи «убыстренной». При рассмотрении календарных песен типа *жарапазан* и «Наурыз жыры» ученый подчеркивает их величальный характер, утверждение в них высоких моральных и этических устоев народа, отмечает малообъемный мотив и их фольклорные истоки [6, с. 39–40].

Плодотворными оказались идеи Ауэзова о наличии элементов театра в семейно-бытовых и обрядовых песнях. Развивая мысль русских ученых М. Готовицкого и Г. Потанина, М. Ауэзов отмечает элементы театра в казахском быту – в драматизированных свадебных и похоронных обрядах, в формах и жанрах музыкально-поэтического творчества, таких как *бата* – благословение, *жоқтау* – поминальная песня, *қарғыс* – проклятие, *ант* – клятва, *толғау* – песни-раздумья, *терме* и *желдірме* – речитативно-декламационные типы казахского стихосложения. Как он тонко заметил: «Каждая “жоқтау” имеет свою особую мелодию, отличающуюся от большинства казахских песен печальным, трогательным напевом. Мелодии “жоқтау”, как наиболее популярные и красивые, введены целиком в современные казахские оперы» [1, с. 90].

При изучении духовного наследия казахского народа ученый-фольклорист особое внимание уделяет жанру ораторского искусства *шешендік сөз*. По верному утверждению М. Ауэзова, «дар красноречия высоко ценился казахским народом, в истории которого множество случаев, когда логический спор двух ораторов, облеченный в высокую форму, остроумной, образной и полной глубокого смысла речи, решал вопросы жизни и быта» [1, с. 102]. В операх «Абай» и «Еңлік – Кебек», либретто которых принадлежит перу Мухтара Ауэзова, при решении трагических судеб молодых Айдара и Ажар, Еңлік и Кебек носителем драматических коллизий выступает ауэзовская проза с ее точностью и меткостью, остротой и ёмкостью выражения.

В трудах выдающегося писателя, академика Мухтара Ауэзова также указано введение в казахскую оперу жанров свадебно-обрядового фольклора, таких как *беташар*, *жоқтау*, *зар* и т. д. О групповом пении свадебного обряда *жар-жар* в плане выявления признаков оперности он высказывался так: «Эта песня исполняется двухсторонними хорами – джигитов и девушек, как песенный диалог двух групп молодежи... В отличие от других свадебных песен «жар-жар» имеет уставленную музыкальную форму и текст. Оба хора имеют свои напевы – веселой и бодрой песне джигитов отвечает грустный хор девушек» [1, с. 80]. В архитектонике свадебного цикла *жар-жар* («айтыс малой формы» – по М. О. Ауэзову) занимает центральное место.

Говоря об истории и разновидностях айтысов, Ауэзов указывает и на коллективные их формы: «Древние виды айтыса в казахском устном творчестве исполнялись **хорами** (выделено нами – С. К.), начинались с обрядовых песен и постепенно эволюционировали к айтысам акынов» [1, с. 354].

Академик М. Ауэзов впервые отметил заложенную в айтысе природу **оперности** с ее многообразными театрально-зрелищными и драматизированными элементами. Он писал: «Элементы театрального действия включали в себя эти “айтысы” при многочисленной аудитории слушателей, наблюдавших и оценивавших одновременно непосредственно и акт зарождения песни» [1, с. 69]. Так, многие казахские оперы имеют в сюжетно-сценической конструкции развернутые сцены состязаний акынов.

Энциклопедические знания и разносторонняя образованность М. Ауэзова позволили ученому увидеть наличие айтысов у различных народов мира, исходя из характерных типичных черт, свойственных данному жанру, проводя сравнительные аналогии: «Состязательные песни в древности бытовали не только у казахов, они известны в истории многих народов мира. Ныне... айтысы, как состязания акынов, существуют у трех народов: казахов, киргиз и каракалпаков. В давние времена они бытовали и среди многих народов Востока и Запада. Например, у арабов состязательные песни акынов, собирающихся на ярмарках, записывались на бумаге и вывешивались посередине ярмарки для чтения. Эти состязательные песни арабы называли “мугаллакаг”. Некоторые виды состязательных песен с древних времен и до наших дней в Индии и Иране называются “мушайра”» [1, с. 355].

В трудах Мухтара Ауэзова, в частности мы имеем в виду его уникальную книгу «Мысли разных лет», доминирующей является идея сохранения и развития духовного наследия наших предков – легендарных личностей прошлого. Это великий печальник-мечтатель Асан Кайгы, мудрец-эпик Абыз, родоначальник кобызовой музыки Коркыт-ата, смекалистый Алдар Косе, острослов Жиренше, классик домбровой музыки великий Курмангазы и многие другие. «Коркыт в своих одиноких терзаниях выдолбил из дерева ширгай – первый кобыз, натянул на него струны и заиграл, изливая свои мучительные мысли и чувства. Он вложил всю свою душу в эти мелодии, и чудесные звуки его струн прозвучали на весь мир, дошли до людей, захватили и пленили их. С тех пор мелодии Коркыта и созданный им кобыз пошли странствовать по земле, а имя Коркыта осталось бессмертным в струнах кобыза и в сердцах людей», – так определяет значение кобызового наследия Коркыта Мухтар Ауэзов [1, с. 100]. Воссоздавая их образы, ученый-фольклорист призывает к возрождению нашей исторической памяти, тем самым нравственно воспитывая и одухотворяя новое поколение.

В исследованиях о высокопрофессиональном искусстве жырау, жыршы, акынов-импровизаторов, күйши-виртуозов ученый отмечает их феноменальную память, богатый интеллект и редкий дар сочинительства. По трактовке Ауэзова, эпик-жырау (он сравнивает их с азербайджанскими ашугами, киргизскими манасши, туркменскими бахши, русским старцем-мудрецом Баяном – вспомним «Слово о полку Игореве»!) олицетворяет ум и честь народа, он выразитель дум и чаяний народных, его нравственно-этический символ. Так, высоко оценивая историческую функцию носителей духовной культуры, Ауэзов выражает через их образы собственное мировоззрение, свое философское кредо. Примечательны в этом плане слова эпика Абыза, полные печали и гнева, страдания и пророчества, из оперы Газизы Жубановой «Еңлік – Кебек». Слова эти величавы и трагичны и в то же время актуальны в наше сложное время. Эпик Абыз произносит [7, с. 25]:

Күйрығы жоқ, жалы жоқ,
Құлан қайтып күн көрер.
Аяғы жоқ, қолы жоқ,
Жылан қайтып күн көрер.
Шыбын шықса, жаз болып,
Таздар қайтып күн көрер.
Жалаңаяқ балапан,
Қаздар қайтып күн көрер.

Предо мною мгла –
 Кумай очертил мой круг,
 Избавления нет –
 Одна беда вокруг.
 Утешения нет.
 Как старцу в недуге жить?
 Угасли костры любви –
 Как могут супруги жить?
 Мечтаний в грядущем нет –
 Как воин проживет?
 Нет опоры ни в ком –
 Как проживет народ?

Как утверждает Мухтар Ауэзов, эти мысли принадлежат бессмертному Асану Қайғы.

Многогранное творчество Мухтара Омархановича Ауэзова – неиссякаемый кладезь мыслей и научных открытий, олицетворение духовного и нравственного богатства. Гениальность Ауэзова раскрывается ныне во многих областях интеллектуальной деятельности – в области философских, исторических, медицинских, психологических наук, не говоря о науках филологических и тюркологических. Наша скромная задача – определить его вклад в развитие духовной культуры и с уверенностью сказать, что он стоял у истоков современного искусства, был одним из основоположников музыковедения.

Деятели национальной культуры Казахстана чтут великие заветы Мастера, преклоняются перед его негасимой памятью. Величественный облик Ауэзова воспроизведен в живописи и скульптуре, в поэзии и музыке. Своеобразным музыкальным памятником воспринимаются поэма-реквием Еркегали Рахмадиева «Памяти Мухтара Ауэзова» на слова Сырбая Мауленова и оратория Газизы Жубановой «Мұхтар аға».

Как писал великий Абай: «Өлді деуге сыя ма, ойландаршы, Өлмейтұғын артына сөз қалдырған?» («Все же подумай, мой друг, разве умер тот, Слово бессмертное чье в этом мире живет?») [8, с. 226]. Так поистине бессмертно слово Ауэзова, вечен его Дух.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэзов М. О. Мысли разных лет. Алма-Ата: Казгосиздат, 1961. 541 с.
2. Қобыланды батыр. Казахский героический эпос // Эпос народов СССР (Сост. Н. В. Кидайш-Покровская и О. А. Нурмагамбетова). Москва: Наука, 1975. 445 с.
3. Ауэзов М. О. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5 / Сост. и прим. Л. Ауэзовой. Москва: Художественная литература, 1975. 566 с.
4. Мұхтар мұрасы – Наследие Мухтара: Ғылыми мақалалар мен зерттеулер / Құрастарған Ш. Ыбыраев, С. Қорабаев. Алматы: Қазақстан, 1997. 352 с.
5. Абай Кунанбаев. Собрание сочинений в одном томе. Стихотворения, поэмы, проза. Перевод с казахского / Ред. И. Дюсенбаев, Н. Сидоренко. Москва: Госиздатхудлит, 1954. 416 с.
6. Ауэзов М. Полное собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата: Жазушы, 1985. 390 с.
7. Бес ғасыр жырайды. Т. 1. Асан Қайғы (XV ғасыр). Алма-Ата: Жазушы, 1989. 384 б.
8. Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Т.1: Өлеңдер мен аудармалар. Алматы: Жазушы, 1995. 336 б.

